

Не правда ли, это кажется невозможно? А между тем это уж сделано — на основании химии, на основании физики или на основании чего-нибудь другого, это пока все равно, но это сделано. Каким же образом? вот каким:

«Первая любовь» есть редкое и замечательное явление в литературе, потому что, если не считать серобумажных романов, подобных «Бриллиантовой луне» и «Любви и верности», эта книжка есть единственная русская книжка, содержащая в себе беллетристическое русское произведение, появившееся в течение более нежели полугода.

Теперь остается разрешить только вопрос: каким образом русская литература в течение более нежели полугода могла произвести только одну книжку беллетристического содержания?

Для многих ответ затруднителен; а для многих вовсе незатруднителен: «толстые журналы поглотили всю нашу беллетристику». Но почему же не поглощали прежде?

⟨ИЗ № 12 «СОВРЕМЕННОКА»⟩

Учебник русской словесности. Часть первая — теория для средних учебных заведений. А. Охотина. Спб. 1849.

Учебник русской словесности. Часть II — история, для кондукторских классов первого штурманского полу-экипажа. А. Охотина. Кронштадт. 1854.

Всего похвальнее в г. Охотине его скромность. Назначив первую часть своего учебника, изданную еще в 1849 году, для всех средних учебных заведений, в настоящее время он сам добровольно отказался от такого назначения своей книги и вторую часть уже назначил только для кондукторских классов первого штурманского полу-экипажа, где книга его должна занимать место записок. Только с этой точки зрения она и может иметь какое-нибудь значение и принести ту пользу, что ученики не будут обременены переписыванием своих уроков. Но как учитель должен знать свое дело, так и записки его должны быть согласны с современным состоянием науки и с целью воспитания юношества. Теория г. Охотина есть не что иное, как сокращенный и изуродованный курс Чистякова. Прежде всего бросается в глаза чрезвычайная отсталость научных понятий. Автор, например, хочет излагать теорию русской словесности, предполагая, вероятно, что есть особенная теория французской, немецкой словесности и т. д. В понятиях своих о поэзии г. Охотин живет еще в то блаженное время, когда поэзией называли стихотворство: поэтому роман, повесть отнесены им к разряду исторических сочинений. Все, что не написано стихами, он называет прозою и определяет ее таким образом: «Если в сочинении исследования ума, или же-

лания, оживленные чувством, излагаются по способу разговорной речи, без соблюдения музыкального размера в речениях (предложениях), в порядке, соответствующем внутреннему развитию чувств, мыслей и желаний, то такое сочинение обыкновенно называется *прозою*». Особенно искусен г. Охотин в определениях, например: «полное, *разнообразное*, правильное и связное *словесно-письменное* изложение мыслей, желаний и чувствований касательно какого-либо предмета вещественной природы, или духовной называется сочинением». Эпическую поэзию он называет стихотворным повествованием о какой-либо эпохе исторического быта целого народа, общества или лица, с очаровательными фантастическими вымыслами чудесного. А вот еще оригинальный способ определений: «поэма героическая — например, *Россияда Хераскова*; «романтическая поэма — напр., *Душенька Богдановича*». Хотя теория г. Охотина и не поэма, однакож, и в ней встречаются фантастические вымыслы чудесного, напр.: «многие *глазомером* определяют верно *музыкальное отношение тонов*, их гармонию, мелодию, стихи и речи». Понятия об эстетической деятельности души перепутаны: то она отнесена к сфере чувства, то представляется как совокупность всех сил души. Также изящная словесность на стр. 44-й отнесена к звуковым искусствам (т. е. к музыке!), на стр. 45-й представляется как соединение пластики и музыки. В статье о слоге г. Охотин в пример ошибок приводит образцовые места из лучших писателей; напр., в следующих стихах Пушкина он видит излишнее многословие:

Смотрит храбрый князь
И чудо видит пред собою:
Найду ли краски и слова? —
Пред ним живая голова.

Он находит *странный* недостаток в повторении союза что в «Полтаве» Пушкина — в известной характеристике Мазепы. И, напротив, ему очень нравится повторение одного и того же слова в стихах Державина:

Зовет меня, *зовет* твой стон,
Зовет и к гробу приближает.

Не мудрено, что подобные теории в людях, не призванных к развитию науки, но и не лишенных здравого смысла, порождают сомнение в самой возможности существования теории.

«История» г. Охотина есть сухой перечень имен и заглавий. Изучение каждой науки учащимися должно содействовать их воспитанию. История литературы более многих других наук заключает в себе такого воспитывающего элемента. Напротив, г. Охотин думает, что все достоинство учебной истории словесности состоит в том, чтобы она содержала в себе как можно более имен. Поэтому в историю русской литературы входят у него: География Арсеньева, История Смараглова, неизвестное сочинение купца

Вавилова о торговле, Фармакодинамика Горянинова, Руководство к сочинению писем и деловых бумаг Наливкина и т. д., и т. д. Характеристики писателей состоят более в общих местах, без примеров, без разборов. А встречаются и такие характеристики: «самый быт народа с его причудами сделался уже предметом сатиры (Кантемир)». Г. Охотин, отыскивающий ошибки в прекрасных стихах Пушкина, говорит, что «Наука о стихотворстве» Боало и «Езда в остров любви» приобрели Тредьяковскому *справедливое уважение современников и потомства*. Подобно покойной истории Кайданова, история литературы г. Охотина постоянно имеет тон похвальной речи. Без выписок из послужных списков также никак нельзя было обойтись.

Доказывая пользу теории и истории словесности, г. Охотин приводит в пример образцовых писателей (Пушкина и Булгарина), которые «глубоким изучением народной речи теоретически и исторически сообщили прекрасные качества своим сочинениям, которыми восхищаются все образованные читатели». Но самого г. Охотина теория и история словесности плохо выучили выражаться по-русски. Не угодно ли понять следующее место: «только сведующие в теории и истории ощущают высокое наслаждение при чтении прекрасных сочинений, и, когда сами владеют исправно благозвучным; гибким и сильным русским языком, для выяснения внутренней жизни своего духа». С знаками препинания г. Охотин никак не может сладить и потому беспрестанно ставит тире, от чего во многих местах также происходит неясность. Встречаются и фигурные выражения, напоминающие также блаженной памяти Кайданова, например: «Выражение бывает приятно, если оно пробуждает в нас сладостный трепет сердца. Для сего необходимо употреблять слова и целые предложения в сочинении совершенно равносильные понятиям ума, чувствованиям сердца и представлениям воображения и располагать их с такою отчетливостью, чтобы частные (?) предложения к главному относились, как блестящие лучи к своему светлому солнцу».

Имя г. Охотина известно (по крайней мере, пишущему эти строки) еще «Уроками из русской грамматики» (Спб. 1842). В этих «Уроках» мы не находим учения о частных предложениях; зато находим, например, что предложение есть «речь, выражающая кратко и внятно (?) мысль, или суждение о предмете», и тому подобные очаровательные фантастические вымыслы чудесного.